

А.Л. Синайский

**Магометанство в его истории
и отношении к христианству**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
А11

А11 **А.Л. Синайский**
Магометанство в его истории и отношении к христианству / А.Л. Синайский –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 45 с.

ISBN 978-5-518-07033-2

ISBN 978-5-518-07033-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

во второмъ—суммою факторовъ, задерживающихъ ходъ развитія. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ вліяніе зависитъ отъ внутренняго содержанія и характера историческаго событія—это съ одной стороны; съ другой—оно зависитъ отъ внѣшнихъ, такъ или иначе сложившихся обстоятельствъ, при которыхъ совершается событіе. Внутреннее содержаніе историческаго событія можно назвать историческою силою, а внѣшнія условія—почвою, или точкою приложения этой силы. Не въ пору явившаяся сила, хотя бы и съ глубокимъ содержаніемъ, можетъ стоять особнякомъ,

ства, въ опроверженіе упрековъ и нападокъ со стороны ученыхъ и публицистовъ; въ этомъ отношеніи заслуживаютъ упоминанія пнжестдующія двѣ брошюры: 1) Отношеніе ислама къ наукѣ и новѣрцамъ. составленная слб. мухамеданскимъ ахуномъ (духовнымъ лицомъ, старшимъ муллою) Имамомъ М. А. Баязитовымъ и 2) Магометъ, какъ пророкъ, принадлежащая г. Девлить-Кильдѣеву (Спб. 1881).

Вышедшее недавно вторымъ уже изданіемъ (первое было въ 1887 г.), сочиненіе Баязитова составлено съ цѣлію защищенія исламизма отъ упрековъ и критики, и восхваленія его какъ въ историческомъ, такъ и современномъ состояніи, въ смыслѣ культурной силы, прогрессирующей и вліяющей на улучшеніе правовъ и успѣхи наукъ. Справедливую оцѣнку страннаго сочиненія сдѣлалъ г. Е. Воронежъ еще въ 1887 г. (см. № 218 «Моск. Вѣд.» 1887 г. и брошюру: Исламъ и отношеніе къ нему русской печати). Защитительнымъ и пангирическимъ характеромъ отличается вышедшій одновременно почти съ предыдущимъ изданіемъ (въ 1881 г.) очеркъ о магометанствѣ г. Давлить-Кильдѣева, вызванный якобы ошибочными смутными понятіями о роли ислама и даже сущности ученія его.

Приписывая фанатизмъ въ исторіи ислама однимъ и тѣмъ же причинамъ, отъ которыхъ происходили кровопролитныя войны, инквизиціи и кресты во имя распространенія христіанской религіи, въ средневѣковой и новѣйшей исторіи, г. Баязитовъ забываетъ то, что въ Евангеліи цѣль повелѣній о распространеніи вѣры насиліемъ въ противоположность Корану, допускающему, повелѣвающему и освящающему войну противъ невѣрныхъ (джихатъ), согласно съ образомъ дѣйствій Магомета. Въ сочувственномъ, но осторожно умѣрепномъ тонѣ къ исламу и Магомету составлена біографія послѣдняго, принадлежащая нашему покойному оригинальному ученому-философу В. С. Соловьеву (Спб., 1896 г.). Интересны и мѣтки историческія сопоставленія и сближенія г. Соловьева, помогающія уясненію личности Магомета. Авторъ «Историческаго изслѣдованія о происхожденіи и характерѣ ислама» (Казань, 1893 г.), П. Остроумовъ справедливо оспариваетъ благоприятныя для исламизма мнѣнія г. Соловьева, отличающіяся невѣрнымъ благопріятнымъ и даже тенденціознымъ отгѣнкомъ. Къ достоинству изслѣдованія г. П. Остроумова вообще обстоятельнаго, хотя не особенно самостоятельнаго, нужно отнести, между

внѣ надлежащаго предполагаемаго вліянія, давая мыслящему потомству предметъ для всевозможныхъ толковъ и пересудовъ.

Но если эта сила находитъ для себя годную почву, то она овладѣваетъ сознаніемъ массъ и принимается ими, какъ подходящій и сродный элементъ. Эта сила получаетъ значеніе и въ томъ случаѣ, когда содержаніе ея само по себѣ бѣдно, но среда представляетъ ей благопріятныя условія.

Эти двѣ стороны—внутреннее содержаніе и внѣшнія условія нужно имѣть въ виду для того, чтобы надлежащимъ

прочтѣмъ, то, что авторъ внесъ въ свой трудъ много новаго и очень цѣннаго естественно-географическаго матеріала изъ сочиненій знаменитыхъ современныхъ географовъ и этнографовъ, каковы: Реклю, Гельвальдъ и др. Какъ иногда бывають важны и незамѣнными естественныя явленія для объясненія фактовъ историческихъ и психологическихъ, можно видѣть изъ слѣдующаго: одна изъ частей Аравіи Геджасъ, родина Магомета, разрѣзывается горными невысокими цѣпами на нѣсколько отдѣльныхъ долинъ; гранитныя формации породъ вулканическаго происхожденія прерываются потоками лавы; здѣсь встрѣчаются поюція и издающія звуки горки. Это такъ называемая музыка песковъ, извѣстная и въ другихъ мѣстностяхъ аравійской пустыни. Основатель ислама какъ извѣстно изъ его біографіи, неоднократно слышалъ голоса, которыми придавалъ сверхъестественное происхожденіе (21—22 стр.). Взгляды г. Остроумова какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ совпадаютъ съ общепризнанными, установленными; практическое значеніе за взглядами автора означеннаго изслѣдованія нужно признать въ томъ отношеніи, что, живя въ г. Ташкентѣ среди послѣдователей ислама, авторъ воочію непосредственно укрѣпился во вредномъ вліяніи магометанства на его исповѣдниковъ, слѣд. въ явное противорѣчіе и опроверженіе тѣхъ, кто по разнымъ побужденіямъ, судя по теоріи, увлекается нѣкоторыми внѣшними сторонами религіи Магомета, поставляя ее на незаслуженную высоту.. Полнымъ объективнымъ безпристрастіемъ и серьезностью, соединенною съ громадною эрудиціею, отличается «Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ» А. Мюллера (Сиб., 1895—98 гг.). Особенною полнотою и глубокимъ анализомъ отличается отдѣлъ о системѣ ученія ислама (Т. I, 211—228). Нельзя не отмѣтить послѣдняго по времени (1899 г.) очерка А. Крымскаго «Мусульманство и его будущность», заключающаго въ себѣ, вмѣстѣ съ данными изъ исторіи ислама, много статистическаго матеріала изъ современнаго состоянія магометанскихъ государствъ. Подобно большинству основательныхъ изслѣдователей, г. Крымскій не вѣритъ въ жизнѣнность и будущее процвѣтаніе исламизма, несмотря на его широкое территориальное распространеніе, побуждающее многихъ смотрѣть на магометанина оптимистически.

образомъ понять всякій историческій фактъ, его мѣсто и значеніе въ ряду другихъ. Отсюда само собою является потребность охарактеризовать содержаніе силы, чтобы такимъ образомъ понять тѣ слѣдствія, какія вытекали изъ нея, какъ основанія—это съ одной стороны; съ другой—обрисовать самую среду, которая впервые и послѣ испытывала дѣйствія силы. Такъ какъ исламизмъ есть историческая сила и, какъ такая, имѣла и имѣетъ за собою большія послѣдствія, то это требованіе необходимо имѣть въ виду и здѣсь при сужденіи о значеніи исламизма въ исторіи. Такимъ образомъ намъ нужно рассмотреть: 1) въ главныхъ пунктахъ содержаніе исламизма; 2) среду его первоначального распространенія и дальнѣйшаго дѣйствія и 3) слѣдствія исламизма, на основаніи которыхъ выясняется и 4) значеніе самаго исламизма.

I

Исламизмъ занимаетъ очень видное мѣсто въ исторіи. Съ именемъ его соединяется цѣлый рядъ мыслей и представленій. Насколько эти мысли въ устахъ послѣдователей исламизма священны, настолько же онѣ интересны предъ судомъ сторонняго и безпристрастнаго наблюдателя. Интересъ этотъ возбуждается по тѣмъ переворотамъ и послѣдствіямъ, какія произвелъ исламизмъ въ мѣстѣ своего происхожденія—Аравіи и внѣ ея предѣловъ. Но чѣмъ замѣчательнѣе историческое явленіе, тѣмъ болѣе представляется трудности для выясненія его настоящаго значенія. Въ отношеніи къ исламизму эта трудность увеличивается еще тѣмъ, что исламизмъ не кончилъ своей роли въ исторіи, но продолжаетъ и по настоящее время существовать и имѣть множество поклонниковъ ¹

Если взять во вниманіе долговременное существованіе исламизма, многочисленное число его послѣдователей ² и его завоевательный характеръ; то исламизмъ представится намъ

¹ Döllinger. *Muhamed's Religion nach ihrer innern Entwicklung und ihrem Einflusse auf das Leben der Völker*

² По свѣдѣніямъ 1810 года, мусульманъ считалось 110 милліоновъ; 1827 г. и 1839 г.—120 милл., 1844 г.—96 милл.; по свѣдѣніямъ 1874 г. и 1892 г.—150 милл. По послѣднимъ свѣдѣніямъ (1899 г.), количество магометанъ достигаетъ до 300 милліоновъ

въ преувеличенномъ видѣ, какъ инфузорія подъ микроскопомъ. Но нужно, конечно, быть слишкомъ легкомысленнымъ, чтобы удивляться тому, что отличается только лавностью, что „знаменито древностию лѣтъ“. При выясненіи дѣйствительнаго положительнаго значенія должна быть иная мѣрка, иной критеріи истины. На чемъ же основывается успѣхъ и долговременное существованіе исламизма? Главныя черты исламизма состоятъ въ слѣдующемъ:

Въ основаніи исламизма лежитъ ученіе о единомъ Богѣ и посланничествѣ Магомета, какъ послѣдняго и величайшаго пророка, которымъ завершилось откровеніе между Богомъ и человѣкомъ. Мысль о единобожіи не обязана своимъ происхожденіемъ собственно Магомету, какъ не принадлежитъ ему многое изъ всего того, что вошло въ составъ его ученія. Идею единобожія Магометъ могъ заимствовать отъ христіанъ или іудеевъ, съ которыми онъ постоянно сталкивался во время своихъ торговыхъ занятій и путешествій. Съ другой стороны, сами арабы, какъ потомки монотеиста Авраама, не чужды были идеи единобожія. Слѣдовательно, Магометъ только очистилъ эту идею отъ темноты и искаженія, которымъ подвергся современный Магомету туземный арабскій религиозный культъ. Съ ученіемъ о Богѣ, милующемъ, карающемъ, безусловно управляющемъ судьбою человѣка, стоитъ въ исламизмѣ въ тѣсной связи ученіе о человѣкѣ, его обязанностяхъ по отношенію къ Богу, своимъ ближнимъ, вѣрнымъ и невѣрнымъ. Обязанности къ Богу состоятъ вообще въ молитвѣ¹, постѣ, омовеніи

¹ Въ торжественномъ религиозномъ актѣ молитвы у мусульманъ замѣчается особеннаго прилива искренняго чувства, хотя ритуальное исполненіе глубочайшаго почтенія, не такъ, какъ у насъ, при обращеніи вѣрующаго къ Отцу Небесному. Содержаніе мусульманской молитвы проникнуто скорѣе ужасомъ и изумленіемъ передъ необъятнымъ величіемъ божества; богопочитаніе смѣшано со страхомъ передъ строгимъ Вседержителемъ небесъ и земли. А такъ какъ правовѣрному немыслимо приближаться къ Высочайшему съ неподходящими словами или тѣлодвиженіями, то молитва состоитъ изъ ряда на вѣки окаменѣвшихъ формулъ съ присоединеніемъ приличествующихъ обстоятельствамъ суръ (стиховъ) Корана, которыя равнымъ образомъ произносятся при совершенно опредѣленныхъ правильно чередующихся намѣненіяхъ положенія тѣла. () набожномъ нареніи души не можетъ быть рѣчи, за исключеніемъ развѣ въ нѣкоторыхъ сектахъ съ мистической окраской, да у случай-

и поклоненіи священному храму въ Меккѣ¹. Обязанности къ ближнему-правовѣрному (исповѣднику Ислама) состоятъ въ милостыиѣ и гостепримствѣ. Исламизмъ предписываетъ воздерживаться отъ вѣпа², допускаетъ многоженство. Вникая въ сущность исламизма, нельзя не замѣтить, что это ученіе представляетъ собою смѣсь трехъ элементовъ: христіанскаго, іудейскаго и арабскаго. Изъ этихъ трехъ элементовъ Магометъ выбиралъ все то, что могло сообразоваться съ взглядами его самого, и его современниковъ, что могло льстити прихоти и чувственнымъ представленіямъ о жизни настоящей и будущей. Отсюда понятно, что возвы-

шихъ личностей. Во всякомъ случаѣ, учрежденная по повелѣнію Божию молитва не можетъ никоимъ образомъ быть признана обязанностью легкой или пріятной, но такъ или иначе должна быть выполнена какъ неизбѣжное дѣло, дабы постоянно вести въ порядкѣ балансъ небесной приходо-расходной книги. Въ этомъ общемъ характерѣ молитвословія впрочемъ пріятно поражаетъ истинно мужественное возвращеніе мусульманъ, вслѣдствіе котораго всѣ частныя чувства и особыя желанія отдѣльныхъ лицъ вполне ступаютъ передъ задачей восхваленія божескаго величія. Правовѣрный знаетъ отлично, что вся его судьба заранѣе предопредѣлена Божьимъ всемогуществомъ. Къ чему же утруждать Высочайшаго ни къ чему неведущими просьбами и жалобами? Вотъ почему обыкновенно, частная молитва есть только выраженіе полнѣйшей преданности (по арабски: исламъ).

¹ Когда Магометъ признавалъ обязательнымъ для своей религіи посѣщеніе старинной національной святыни, поистинѣ не приходило ему въ голову, что позже придется тысячамъ мусульманъ, дабы принять участіе въ меккапскихъ празднествахъ, путешествовать за сотни миль, перебираясь черезъ горы и пустыни, переплывая океаны. Той немолимой серьезности, граничащей почти съ жестокостью, съ какою мусульманамъ глядѣть на свои религіозныя обязанности, едва-ли во всемъ мірѣ можно подыскать что-либо равное. Каждый изъ этихъ милліоновъ людей, хотя разъ въ жизни, обязанъ посѣтить Мекку, все равно, гдѣ бы ни жили—на Ялѣ, въ степяхъ средней Азіи, либо на берегу Атлантическаго океана, дабы свято выполнить завѣтъ пророка. Даже голые бѣдняки и тѣ бредутъ большими толпами вплоть до святаго града. Дорогой перебиваются подаваніемъ, а гдѣ можно—поденщиной или другою тяжелой работой, и такъ продолжается до окончанія святыхъ дней а затѣмъ, пользуясь тѣми же самыми средствами пропитанія, возвращаются домой.

² Въмѣстѣ съ янпомъ, Коранъ запрещаетъ азартныя игры, но, слѣдующимъ дальнѣйшимъ указаніямъ пророка, запрещеніе игръ и музыки было впоследствии отменено и одни лишь набожные люди придерживаются строго первоначальнаго предписанія.

шенныя христіанскія мысли стоятъ на ряду съ грубыми представленіями, или совсѣмъ искажаются въ угоду прихоти и причудливой фантазіи. Вслѣдствіе этого являются противорѣчія (которыхъ насчитывается до 250) въ исла-мизмѣ и поводъ ко всевозможнымъ предположеніямъ и толкованіямъ изреченій пророка.

Будучи смѣшеніемъ язычества, іудейства и христіанства, магометанство, очищая первое отъ грубостей, идолослуженія и мѣстныхъ наслоеній и суевѣрій, уступаетъ во всемъ второму и не можетъ быть сравниваемо по достоинству съ христіанствомъ; вообще религіозныя представленія Магомета—не высокаго достоинства; простыя вначалѣ, они осложнились и даже исказились въослѣдствіи, соотвѣтственно съ историческими обстоятельствами и личными взглядами поклонниковъ арабскаго пророка. Возвышенное и широкое ветхозавѣтное понятіе пророка не приложимо къ Магомету, въ отношеніи къ которому оно имѣетъ узкій непривлекательный смыслъ, съ вѣшной и внутренней стороны, тогда какъ у евреевъ былъ цѣлый рядъ пророковъ, составлявшихъ между собою преемство и систему, а у арабовъ Магометъ былъ первымъ и послѣднимъ пророкомъ, не могущимъ равняться ни одному изъ малыхъ іудейскихъ пророковъ по своей нравственной неустойчивости и чувственности. По ученію Магомета, Богъ посылалъ каждому народу, въ извѣстное время, пророковъ, которымъ, чрезъ посредство ангела Гавріила, обѣщалъ свою волю и которыхъ вдохновлялъ откровеніями, дабы отвратить людей отъ всего злого и послѣдствій всеобщаго грѣхопаденія, ученіе о которомъ Магометъ заимствовалъ у евреевъ. Откровеніе это сохранилось въ Священ. Писаніи (торы), т. е. пятюннжнн, (псалтири и Евангеліи). Предпослѣднимъ пророкомъ былъ Іисусъ; онъ и его предшественники предвѣщали появленіе Магомета, а послѣ него никакого другого пророка болѣе не явится. Пославъ Магометъ собственно къ арабамъ, но съ тѣмъ, чтобы вообще возстановить повсюду испорченную христіанами чистую древнюю вѣру Авраама, дабы исламъ распространился по всему міру. Магометъ самъ по себѣ обыкновенный человѣкъ, какъ и всѣ другіе, какъ и Іисусъ. по онъ носитель послѣдняго и окончательнаго откровенія, которое Богъ преподалъ чрезъ посредство его въ Коранѣ

Отрицая въ Иисусѣ Христѣ божество, достоинство и призваніе Искупителя. Магометъ запрещалъ хулить Его и Моисея подъ угрозой тяжкаго наказанія ¹

Своему высокому понятію о себѣ Магометъ измѣнялъ и противорѣчилъ до уровня съ людьми заурядными. Но самое безотрадное представляетъ собой неукротимая безпощадность, съ какою часто выступалъ онъ для уничтоженія враговъ своихъ; это была древняя черта арабской суровости. Болѣе же всего возмущаетъ сторонняго наблюдателя его коварство и систематическая лживость, которыя все сильнѣе и сильнѣе стали проявляться со времени переселенія его въ Медину и въ Меккѣ, даже нѣсколько позднѣе, осыпавшій насмѣшками и уликами противниковъ, пророкъ пробовалъ иногда выставлять своеобразныя аргументы и пользоваться довольно сомнительными увертками, чтобы какъ-нибудь да выпутаться изъ сѣти противорѣчій, опутывавшихъ его ученіе, что болѣе или менѣе объяснялось отсутствіемъ навыка логическаго мышленія. Но въ Мединѣ, сознательная лживость и вѣроломство стаповятся вскорѣ какъ бы внутреннимъ убѣжденіемъ. Положимъ, это тоже наслѣдственныя народныя черты, но въ соединеніи съ оффиціальнымъ благочестіемъ, вовсе не требовавшимъ лицемерія, становятся онѣ для насъ невыразимо противными. Въ его рукахъ съ тѣхъ поръ религія стала орудіемъ политики, и не одной только церковной. Вначалѣ можетъ быть слегка, затѣмъ, на половину, а наконецъ совершенно сознательно пользуется пророкъ ложью для того, чтобы провести во что бы то ни стало истину.

¹ Правда, на основаніи Корана, Магометъ отпослался къ Иисусу Христу съ большимъ уваженіемъ и даже благоговѣніемъ; такъ, въ одной изъ главъ Корана читается: „послѣ пророковъ мы послали (въ міръ, къ людямъ) Марію и Иисуса; мы дали ему евангеліе, которое есть свѣточъ вѣры: Марія и сынъ ея были дивомъ вселенной. Иисусъ, Сынъ Маріи, есть Посланникъ Всевышняго и слово Его. Онъ дыханіе Божіе“. Но сказаннаго и подобнаго (не много, впрочемъ содержащагося въ Коранѣ) весьма мало для составленія истиннаго понятія о Христѣ; съ другой стороны, изъ послѣдующей исторіи какъ лично Магомета, такъ его поклонниковъ не только не видно достаточнаго уваженія и отношенія къ Основателю христіанской вѣры и ученію Евангелія, но и усматривается наглядно враждебное отношеніе къ христіанамъ, въ противорѣчіе приведеннымъ изреченіямъ Корана.

Но не смотря на смѣсь своего ученія и на внутреннее противорѣчіе, Магометъ выставялъ исламизмъ единственною лучшею религіею, предъ которою другія—ничто. Мысль эта проникаетъ все ученіе исламизма, дѣйствія Магомета и дѣйствія его ближайшихъ и отдаленныхъ послѣдователей. Чтобы увѣрить въ этомъ другихъ, Магометъ поступалъ такъ, какъ поступали подобные ему мечтатели. Для завѣренія истинности своего ученія Магометъ приписывалъ его происхожденію и внушенію свыше,—средство самое вѣрное и надежное, удовлетворительное для неразвитаго сознанія. „Откровеніе Корапа—говоритъ Магометъ—происходитъ при посредствѣ пророка“¹. Потрясаемый однажды отъ внутренняго возбужденія какъ бы лихорадочною дрожью, спѣшитъ онъ домой. „Заверните меня“, взываетъ онъ къ своимъ! Совершилось! И, охваченному сильнымъ нервнымъ потрясеніемъ, ему чудится, что онъ слышитъ слѣдующія слова (Сура 74,1): О ты, закутанный!—встань, зову тебя, истинно такъ!—Господа своего, да славь его!—Одежды твои. да очисти ихъ.—Отъ нечистоты, да бѣги.—Не будь добръ ради корыстныхъ цѣлей. И Господа твоего чти неизмѣнно².—Съ этихъ самыхъ поръ, передаетъ традиція, шли откровенія, одно за другимъ, постоянно и такъ было именно потому, что отнынѣ онъ былъ увѣренъ въ своемъ дѣлѣ и не ждалъ болѣе дальнѣйшихъ сверхестественныхъ явленій; онъ принималъ, безъ дальнихъ околичностей, за божественную истину все выработывающіяся въ его головѣ представленія, появлявшіяся въ состояніи непрестаннаго внутренняго возбужденія. Съ мыслию о превосходствѣ своей религіи естественно соединяется мысль о недостойнствѣ другихъ религіи. „Религія Божія—говоритъ Коранъ—есть исламъ“³. Человѣку свойственно желать, чтобы другой раздѣлялъ съ нимъ его убѣжденія и не противорѣчилъ ему. Если эта склонность замѣтна между образованными людьми, то тѣмъ

¹ Коранъ 47, 1.

² Очищеніе одежды и избѣжаніе нечистоты—понятно, надо понимать какъ призваніе избѣгать идолопоклонства. «Не будь добръ ради корыстныхъ цѣлей», значитъ не одаряй съ намѣреніемъ получить обратно еще болѣе. Заповѣдь, увы, выпѣшными жителями Востока совершенно забытая.

³ Коранъ 3, 17.

болѣе она проявляется въ людяхъ, чуждыхъ всякаго образованія. Отсюда нетерпимость является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ. Сильная въ другихъ религіяхъ, эта религіозная нетерпимость въ исламу доходитъ до крайности, принявъ религіозную санкцію. Тогда какъ въ другихъ религіяхъ нетерпимость имѣла отрицательное значеніе, въ религіи Магомета она получила живой активный характеръ. Такимъ образомъ, съ сознаниемъ превосходства своей религіи предъ другими, исламъ соединилъ и освятилъ мысль объ увеличеніи числа (своихъ) послѣдователей. Распространеніе исламизма и утвержденіе его между людьми оставляетъ самую существенную, необходимую обязанность магометанъ,—обязанность, которая пріятна для Бога болѣе чѣмъ какая-либо другая. „О, вѣрующіе! говоритъ воодушевленный Магометъ: если вы поможете Богу въ войнѣ противъ безумныхъ, то Онъ также поможетъ вамъ и укрѣпитъ стопы ваши“¹. Итакъ характеръ распространенія исламизма является совершенно противоположнымъ христіанству, которое распространяется посредствомъ проповѣди и убѣжденія.

Подобно тому, какъ у христіанъ ученіе заключается главнымъ образомъ въ Евангеліи, у послѣдователей Магомета оно изложено въ священной книгѣ Корана. По взгляду Магомета, первоначальному и послѣдующему, перешедшему къ его поклонникамъ, Коранъ самъ по себѣ—обсолютное откровеніе, исключительно имѣющее значеніе божескаго закона, пунктуальное исполненіе котораго составляетъ высшую обязанность каждаго правовѣрнаго. Естественнымъ слѣдствіемъ усиленія понятія с всемогуществъ Божіемъ относительно предопредѣленія всего сущаго явилось стремленіе признать постепенно Коранъ нерукотвореннымъ, предвѣки существовавшимъ у Бога; между тѣмъ какъ вольномыслящіе утверждали, что божеское слово, также какъ и все, сотворено. А такъ какъ во всякомъ случаѣ, все ученіе въ совокупности и предписаніи Корана составляютъ прямое проявленія откровенія, то и тѣ положенія, которыя относятся, собственно къ гражданской или государственной жизни, признаются неотъемлемыми частями религіознаго закона и, какъ таковыя, неизмѣнны.

¹ Коранъ 47, 8 ст.

Такимъ образомъ исламизмъ, какъ религія божественная, долженъ быть принятъ арабами, а обязанность распространенія его всюду должна соединить арабовъ въ одинъ народъ. Такова мысль исламизма,—и она нашла для себя годную почву.

II.

Въ исторіи встрѣчаются такія личности, которыя служатъ выраженіемъ своего народа, его стремленій ожиданій и идеаловъ. Ходячія мнѣнія народа глубоко западаютъ въ ихъ впечатлительную душу и воспламеняютъ въ нихъ ту экзальтацію и энергію воли, съ которыми онѣ не отступаютъ ни предъ какими препятствіями для своихъ цѣлей.

Результатомъ возбужденности такихъ личностей бываетъ одно изъ двухъ: или торжество, или паденіе. Къ такимъ-то личностямъ можно присоединить и Магомета. Во время своихъ путешествій онъ, какъ человѣкъ наблюдательный и пропитательный, понималъ мысль и настроеніе народа и воспользовался этимъ для достиженія національных и своихъ личныхъ цѣлей ¹

Все благопріятствовало тому, чтобы исламизмъ былъ принятъ арабами. Легкость, съ которою арабы принимали ученіе Магомета, объясняется тѣмъ, что исламизмъ носилъ характеръ чувственной простой религіи, соотвѣтственно тому, какъ чувственна и проста была самая жизнь арабовъ, большинство которыхъ состояло изъ сельскихъ жителей и кочевниковъ—бедуиновъ. Принятіе исламизма не требовало отъ араба жертвъ и не измѣняло его главныхъ укоренившихся традицій и привычекъ. Воздержаніе, предписываемое исламизмомъ, было обыкновенною чертою простой, близкой къ природѣ, жизни арабовъ. Многоженство, существовавшее у арабовъ съ незапамятныхъ временъ, допускалось и новою религіею. Ихъ прежній культъ не только не усложнился, но даже упростился запрещеніемъ приносить жертвы идоламъ и уничтоженіемъ послѣднихъ. Кааба, съ именемъ которой соединялось много священныхъ сказочныхъ воспомина-

¹ Dölling, S. 4.